

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СИСТЕМНЫЙ СМЫСЛ ПАРАДИГМАЛЬНОГО СДВИГА

В.Е. Ключко (Томск)

Аннотация. История психологии рассматривается в перспективе ее парадигмальных сдвигов. Опираясь на трансспективный анализ, автор выявляет основания прогрессивного развития психологической науки как открытой самоорганизующейся теоретической системы. Утверждается, что современная психология движется к постнеклассической парадигме, в рамках которой психика и сознание получают новое объяснение.

Ключевые слова: типы научной рациональности, постнеклассическая парадигма, саморазвитие, самоорганизация, теория психологических систем, теория потока, трансспективный анализ, объяснение в психологии.

В недавно вышедшем сборнике научных трудов «Субъект и личность в психологии саморегуляции» я опубликовал статью, в которой отстаивалась идея о том, что психологическая наука находится в состоянии «парадигмального сдвига», суть которого заключается в смене уровня психологического мышления [4]. Наука уже освоила способ мышления, благодаря которому научилась выделять в психологии саморегулирующиеся системы и делать их предметом конкретно-научного исследования. Так, уже сравнительно давно и успешно в психологии решается проблема саморегуляции личности. Суть же парадигмального сдвига заключается в том, что сегодня наука пытается ассимилировать мышление более высокого уровня, признаком которого является различение самоорганизующихся систем и выделение их в качестве предмета психологического исследования. Именно это и вызывает определенное психологическое напряжение внутри психологического сообщества.

Перейти от одной проблемы (самоорганизация личности) к другой (самоорганизация человека) не просто трудно. В процессе такого перехода открывается другое понимание психики, высвечивается ее новая функциональная роль, требуется другой аппарат объяснения, но главная трудность заключается все-таки в том, что для этого требуется мышление другого системного уровня. Более чем двадцатилетний опыт разработки теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС) убеждает меня в этом.

Другую психологическую трудность вызывает тот факт, что даже само упоминание о «парадигмальном сдвиге», да еще с указанием направления, в котором он происходит, является своего рода вызовом по отношению к почти общепринятой методологической установке, в силу которой сами ученые предпочитают считать свою науку «принципиально непарадигмальной». Здесь не важно, считает ли ученый свою науку «допарадигмальной», т.е. такой наукой, которая хоть и не имеет актуальных «общепризнанных образцов научной практики», но со временем может к ним выйти, или наукой «принципиально мульти- или полипарадигмальной» [8. С. 77]. Ведь никаких парадигмальных сдвигов в мультипарадигмальной науке быть не может. Все очень просто: одновременно функциони-

рует множество методологических установок, а к ним все добавляются и добавляются новые и столь же «равноправные» установки. Нельзя же появление новой теории или даже научного направления считать парадигмальным сдвигом. Не случайно сторонники парадигмы «пусть цветут все цветы» в качестве аргумента приводят теорию пролиферации П. Фейерабенда. Считать, что появление новых теорий, основанных на собственных, только им присущим «парадигмах», это и есть парадигмальный сдвиг, было бы не совсем верным – кумулятивный эффект налицо, но прогрессивный эффект еще надо выявлять, а это в принципе невозможно сделать без сравнения с другими теориями. Самого же сравнения одной теории с другими теориями парадигма «свободного размножения теорий» не одобряет, ибо оно не отвечает исходному принципу равноправия теорий. Вдруг окажется, что одна теория и в самом деле «фундаментальнее» другой или более корректно укладывается в русло основной тенденции развития науки, тем самым реально обозначая существенные признаки парадигмального сдвига. Впрочем, науку, полагающую себя мультипарадигмальной, несколько не занимают тенденции развития, выводящие в будущее. Она живет днем сегодняшним.

Кроме того, рассчитывать на позитивный эффект сопоставительного анализа двух теорий можно только в том случае, если теории содержат в себе нечто такое, которое вообще позволяет привести их во взаимодействие. И это «нечто» не есть простая «тождественность» (или «общность»), которая действительно выступает одним из необходимых условий взаимодействия. Для взаимодействия важна и другая сторона соответствия: каждая из теорий должна содержать в себе еще и нечто такое, что отсутствует пока в одной из теорий, но наличествует в другой. Только тогда и будет настоящая «взаимность», которая входит в качестве корневого образования в понятие «взаимодействие» и тем отличает его от «действия» или «воздействия». Продуктивное взаимодействие – это взаимодействие обогащающее; оно обладает порождающим эффектом. В этом усматриваю я самоорганизацию науки как открытой системы.

В статье, опубликованной в упомянутом сборнике, Д.А. Леонтьев пишет: «В теоретической психо-

логии разработаны и другие, более развернутые концепции, в которых понятия саморегуляции и самоорганизации, идея их прогрессирующего усложнения в процессе эволюционного развития выступают как основополагающие для понимания процессов функционирования и развития психологической организации человека. К ним в первую очередь относятся теория эволюционного развития М. Чиксентмихайи и теория психологических систем В.Е. Ключко» [6. С. 70]. Со своей стороны замечу, что именно Дмитрий Алексеевич Леонтьев в личной беседе (состоявшейся до написания наших статей) подвел меня к мысли, что обе концепции построены «на схожих основаниях, хотя и в иной логике». Мои работы он знал, но не сомневаюсь, что еще лучше он знал труды Михая Чиксентмихайи, который вместе с Мартином Селигманом заложил (в 1997 г.) основы позитивной психологии. В сентябре 2005 г. Д.Н. Леонтьев, будучи участником первой международной конференции по позитивной психологии, взял у него интервью, в котором меня поразила оценка М. Чиксентмихайи того, что он считает главным в человеке, а именно его убежденность в том, что «человек развивается в направлении *возрастающей сложности*; наша судьба – неуклонно становиться все более уникальными и все более интегрированными с Иным: другими людьми, идеями, ценностями, тем, что вне нас» [11].

Завершая свою последнюю книгу, я писал о том, что «...и науку, и человечество, и человека можно рассматривать как открытые самоорганизующиеся системы, эволюция которых представляет собой *закономерное усложнение* их системной организации» [3. С. 166]. Так в чем же заключается упомянутая «схожесть оснований и различие логик», приведших к созданию ТПС и теории потока? Этот вопрос с некоторых пор стал для меня очень важным. Ответ на него позволил бы на собственном примере убедиться в том, как действуют и проявляют себя объективные тенденции развития психологического познания, которые, по определению Л.С. Выготского, действуют «за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины» [1. С. 124]. Почему два исследователя с разной логикой и идеологией, к тому же разделенные географически, оказываются подчиненными тенденции, которая действует «за их спиной» и даже спустя десятилетия приводит к похожему выводу?

Здесь необходимо вернуться к самым истокам двух теорий. Как теперь я понимаю, было нечто общее в самой начальной стадии их становления. Моей научной проблемой была так называемая «свободная инициация» мышления. Эксперименты, проведенные в 1972–1975 гг. показывали, что в каждом акте взаимодействия человек отражает объект и себя

самого (свое отношение), особым образом представленным в объекте. На каждое изменение состояния человека окружающая его среда, которую сам человек воспринимал как нечто объективное и внеположенное, отвечала изменением ценностно-смысловой структуры, которая, будучи сверхчувственной, самим же человеком и не осознавалась. Но результаты исследований с использованием метода синхронной регистрации КГР и содержательного состава разворачивающейся деятельности, который мы (сотрудники и приверженцы научной школы О.К. Тихомирова) разрабатывали и использовали, показывали, что «объективная среда» приспосабливается к человеку ничуть не меньше, чем он к ней. «Элементы структурируемой ситуации приобретают различный смысл и ценность для субъекта, и эти неформальные компоненты *возникают как результат соотношения имеющегося у субъекта опыта (знаний, способов и т.д.) и конкретной ситуации*» [2. С. 5].

Там, где обнаруживалось соответствие опыта и ситуации, у человека возникает состояние «напряженной возможности». Это особое состояние возникает в том случае, когда человек вдруг открывает в пространстве тривиальной деятельности, задаваемой инструкцией (иногда даже сулящей «награду»), возможность организации творческой (мыслительной) деятельности и организует ее – инициативно, внешне вполне бескорыстно и «апрактично», если иметь в виду упущенные внешние «выгоды».

Интересно, что примерно в это же время (1975 г.) начинает разрабатывать свою теорию потока американский исследователь М. Чиксентмихайи. С 1982 г. поток стал рассматриваться им как «оптимальный опыт», понимаемый как выбор максимально сложных проблем из тех, что преподносит человеку окружающая среда, однако при этом лишь тех задач, которые в достаточной степени *соответствуют имеющимся у субъекта навыкам и умениям и потому могут быть решены* [13]. М. Чиксентмихайи подчеркивает, что опыт потока «...приносит человеку чувство открытия, творческое ощущение переноса его в новую реальность» [14. С. 74]. Мы же, в свою очередь, экспериментально показывали, что эта новая реальность формируется в ходе динамики ценностно-смысловых измерений того, что составляет окружение.

Думается, что обе теории в своем изначальном становлении столкнулись с феноменами, истолкование которых было невозможным в пределах общепринятых на тот момент в психологии объяснительных схем. Мы реально соприкоснулись с процессом *перехода возможности в действительность*, с тем, как этот переход осуществляется в человеке и как в этом процессе самоосуществляется человек, реализуя в нем (и через него) свою трансцендентальную, нормотворческую природу, свою сверхадаптивную (ге-

теростазическую) сущность. И именно потому, что эти феномены невозможно было объяснить в рамках «психологического гомеостаза», который имел в то время практически парадигмальный статус (которого он не лишился и сегодня), эти феномены как бы и отсутствовали для психологии в качестве заслуживающих научного внимания фактов. В лучшем случае они рассматривались как артефакты или болезненные (почти патологические) отклонения. И каждая из зарождающихся теорий уловила только часть из того, что включает в себя сам феномен перехода возможности в действительность.

М. Чиксентмихайи зафиксировал результативную компоненту: человек «сваливается в поток» в том случае, если то, что окружает его, соответствует его возможностям. Меня изначально занимала процессуально-динамическая составляющая этого явления. Как именно это происходит? Какую роль выполняет здесь сам факт соответствия? Как человек проецирует в предметную среду свои возможности, свой опыт, свои текущие состояния, каким образом среда отвечает ему изменением своего состояния?

Для ответов на эти вопросы необходимо было от дискретного понимания психики и сознания перейти в совершенно другую методологию – к представлению о непрерывной природе психического. Вот тогда и понадобился особый анализ процесса становления психологического познания, который я впоследствии назвал транспективным [3]. С его помощью стало понятным, что вместе с понятиями психологического поля (К. Левин), смыслового поля (Л.С. Выготский), транссубъективного пространства (Д.Н. Узнадзе) в психологии уже сравнительно давно вызревает мысль о пространственной непрерывности психического. *Психическое есть то, что обеспечивает дальное действие человека как открытой саморазвивающейся системы.*

Если в физике теория поля достигла и даже переросла уровень теории дискретности, то в психологии до сих пор психика и сознание чаще всего понимаются как замкнутые дискретные образования, имеющие уровневое строение, собственную структуру и даже собственную логику. И неважно где и каким образом локализуются эти образования – под кожей, в мозгу, в пространстве некой «субъективной реальности», в мифических «психических сферах». И сегодня продолжают создаваться целые теоретические системы о самодействующем мозге, о «деятельности сознания» и «психической деятельности», имеющих свои цели (поскольку «действуют»), свои закономерности и даже свою «психологику».

Если же говорить о «перманентном кризисе» в нашей науке, то, на мой взгляд, ощущение кризиса возникает прежде всего оттого, что, оставаясь в пределах дискретной психологии, сами психологи начи-

нают откровенно уставать от необходимости определять психологическую реальность с помощью совершенно беспомощных и аморфных понятий, включая сюда «сферу сознания», «сферу бессознательного», «сферу психического», «эмоционально-волевую сферу» и т.д. Эти понятия приходится использовать, поскольку на них возлагается важная миссия: они создают иллюзию «неподкожности» психического. В противном случае психика уже ничем бы не отличалась от наивно понимаемой души, живущей в теле. С другой стороны, это позволяет говорить о возможности использования в психологии «объективных методов», разработанных в других («развитых») науках, предметы которых ограничены конкретными пространственно-временными континуумами. Как же, есть у нас в науке свои психологические пространства, хотя бы и в виде непонятных в своей локализации «сфер»? О странностях «психологической геометрии» в свое время писал Л.С. Выготский: «Именно потому, что эти понятия адетерминистичны, беспричинны и беспространственны, именно потому, что они построены по типу геометрических абстракций, Павлов отвергает их пригодность для науки: они несоединимы с материальной конструкцией мозга. Именно потому, что они геометричны, мы вслед за Павловым говорим, что они непригодны для реальной науки» [1. С. 401].

Однако давайте сравним. Вот рассуждает А. Эйнштейн: «Вместо того, чтобы думать: «электрическая частица e_1 действует на другую электрическую частицу e_2 через пространство и вызывает появление действующей на последнюю движущей силы», – Фарадей мыслил: «Электрическая частица уже самим своим существованием порождает изменение состояния пространства в своей непосредственной окрестности (электрическое поле)...». А затем восклицает: «Как просто выглядит эта идея теперь, и все же насколько она величественна!» [12. С. 244]. А вот рассуждает Л.С. Выготский: психика «...есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [1. С. 347].

Идея Л.С. Выготского, смею думать, не менее величественна, однако и теперь она не выглядит простой. Может быть, поэтому она никак не может прорваться через концептуальные перегородки, выстроенные «дискретной психологией», а может быть, «дискретная психология» никак не может дорасти до этой идеи, чтобы вобрать в себя «свое иное».

Но как же сам Л.С. Выготский вышел к этой идее? Каким образом происходит процесс выхода исследователя за пределы используемого им метода, кон-

струирующего не только предметное пространство, внутри которого движется исследование, но и задающее пространство мысли, диктующее определенные способы объяснения того, что обнаруживается в этом пространстве. По сути дела, это вопросы о тех силах, которые выносят не только конкретного ученого, но и всю науку «поверх барьеров», обеспечивая прогрессивное развитие науки. Следовательно, это и есть вопросы о том, каким образом осуществляется переход возможностей (конкретного ученого, науки как таковой) в действительность.

Механизм движения научной теории к более высокому уровню системного видения психологической реальности в общих чертах можно представить следующим образом. Для развития любых наук характерно то, что они начинают со «статики» и только постепенно переходят к изучению «динамики» феноменов, составляющих объект науки. Уже в этом можно усмотреть некую, в целом вполне объяснимую, закономерность в движении научного познания. Эмпирически выявив феномен (или даже их некоторую «целостность»), научная мысль скоро убеждается в том, что выделенный в качестве объекта изучения «фрагмент реальности» начинает ускользать от исследования. Ускользать именно в той части, которая касается его сущности, его истинной природы, обусловленной не столько им самим, сколько его принадлежностью к более сложной системе, фрагментом которой он на самом деле является.

Получается, что наука обречена на то, чтобы, сохраняя эмпирически определенный объект изучения, постоянно выходить за его пределы, последовательно и закономерно расширяя предметное поле исследования, теоретически определяя (и переопределяя) его. Выход за пределы устоявшегося предметного поля, которое очертила наука на данной стадии своего движения, становится неизбежным в том случае, когда оно перекрывается проблемным полем. Его возникновение обусловлено ограниченностью объяснительных схем, заявленных методом, определившим содержание и конфигурацию предметного поля. Иными словами, детерминацию, идущую сверху, от самого факта наличия более сложной, но пока неведомой системы, по отношению к которой изучаемая система сама является не более чем подсистемой, отменить нельзя. Именно поэтому проблемное поле науки неизбежно перекрывает, пусть и не сразу, предметное поле. Происходит это потому, что отдельные исследователи, сталкиваясь с эффектами указанной «детерминации сверху», рано или поздно начинают оценивать их уже не как очередные «головоломки», закономерно возникающие в процессе «спокойного» развития науки («снизу вверх», «из прошлого в будущее»), но пытаются обнаружить их истинное происхождение.

Посмотрим на конкретном примере, как сам Л.С. Выготский выходил за пределы «дискретной психологии» к «психологии поля». А.Н. Леонтьев описывает интересный момент, когда внимание Л.С. Выготского (указывается 1930 г.) центрировалось на открывшейся перед ним перспективе конкретно-психологического изучения знаковой структуры сознания. И вдруг произошел «своеобразный переворот, который тоже был не постепенным движением, а действительно движением, включающим в себя события, а не скольжение, медленное и плавное эволюционное изменение». Переворот заключался вот в чем. «Перед Сахаровым была поставлена Львом Семеновичем (Сахаров уже занимался понятиями) задача, типичная для того времени, – исследовать опосредствованную структуру обобщения... А исследование объективно перевернулось: задача-то была не использовать слово для решения поставленных целей; оказалось, что задача, которую решали испытуемые, заключалась в том, чтобы овладеть значением неизвестного им слова, раскрыть значение, – все дело оказалось в этом... Это был переворот, который сделал не субъект исследования, а исследование» [7. С. 113–114].

Итак, образно говоря, исследование «перевернуло» исследователя. Факт, с которым столкнулся Выготский, оказался не из мира «дискретной психики» или столь же дискретной психологии сознания. Это был факт, указывающий на мир человека, на его жизненное пространство, создаваемое с помощью значений. Состоялся выход за пределы гносеологии отражения в онтологию порождения мира человеком: человек видит через призму значений мир, тем самым обеспечивает его инвариантность, устойчивость и возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Метод привел к таким результатам, которые привели в движение сам метод. Психика стала обретать свою пространственную, полевую локализацию. Нужен был другой принцип понимания и объяснения, а значит, и другой метод.

Почему же использованная в эксперименте методика Н. Аха не подвела самого создателя методики к такому переходу? У Л.С. Выготского были другие возможности, они и реализовались «здесь и теперь»: известные и даже предсказуемые результаты исследования обрели для ученого другой смысл и ценность. Причем новые смыслы и новые ценности образовались сами – как результат проекции возможностей человека в предметную среду.

Нечто подобное происходило и со мной, когда в 1978 г. была завершена большая серия экспериментов, проводя которые я вовсе не думал о том, что с их помощью происходит «проникновение» в сердцевину самого закрытого процесса – перехода возможности в действительность. Особо сложно было с «мотивообразующими смыслами», которые возникали

как особые сверхчувственные (системные) качества предметов, указывая человеку направления, в которых он может реализовать свои возможности, да еще завязанные на установки по реализации этих смыслов. Становилось понятным, что смысл без тенденции действовать относительно предмета, имеющего смысл, столь же нелеп, как тенденция действовать без смысла. Самое примечательное было в том, что понять происхождение этих смыслов было невозможно, оставаясь в пределах исходной методологии. Это не было проявлением саморегуляции – она подсоединялась позднее, когда оказывалась сформированной познавательная цель.

Необходимо учесть, что к тому времени еще не был опубликован «Исторический смысл психологического кризиса» и, следовательно, недоступной была мысль Л.С. Выготского о психике как субъективном искажении действительности, без которого невозможна избирательность поведения. А проводимое экспериментальное исследование процессов смыслообразования в мыслительной деятельности (как ее внутренних регуляторов) упорно показывало, что нет никакого процесса образования смыслов как того, чем специально занимается мыслящий человек. Трудно было представить, что *смыслы возникают сами*, что здесь мы напрямую столкнулись с продуктами самоорганизации, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Их невозможно было отделить от своего носителя – предмета, особым (сверхчувственным) качеством которого они являются. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними – в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Эмоции «считывали» смыслы, но презентовали сознанию не сам смысл, а предмет, обладающий смыслом. В принципе, это и был выход к решению проблемы осознания: человек видит в мире то, что соответствует ему в данный момент, но так, как оно есть «в действительности», т.е. без него (эффект присутствия).

Получалось, что не эмоции «лежат на поверхности сознания» (А.Н. Леонтьев), но сознание лежит на поверхности эмоций. И все это невозможно было понять, оставаясь в методологии саморегуляции, но еще труднее было перейти в методологию самоорганизации. Нужен был толчок, который не мог дать экспериментальный материал, но совершенно неожиданно он пришел извне, когда я, вслед за другими «интеллектуалами» того времени, попал на фильм А. Тарковского «Сталкер». Каждый увидел в этом странном фильме свое, меня же поразила одна мысль, высказанная героем фильма. Сталкер: «Это – Зона. Может даже показаться, что она капризна, но в каж-

дый момент она такова, какой мы ее сами сделали... своим состоянием... Все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас...» [10].

Меняющееся состояние человека мгновенно отражается изменением состояния жизненного пространства, перестройкой его ценностно-смысловых измерений. А поскольку смысл всегда завязан на установку, на готовность реализовать определенное поведение по отношению к предмету, имеющему смысл, то ясно происхождение сил, вызывающих движение системы по линии «возможность – новая действительность».

Постепенно сформировалось представление о том, что *психика является собой не что иное, как самый мощный, самый изоциренный, самый сложный из известных нам механизмов избирательности, превращающий «мир в себе» в «мир для нас» – многомерное пространство жизни, находясь внутри которого человек может действовать, понимая смысл и ценность своих действий*. Становилось понятным, что психика и сознание – это не органы управления, вмонтированные в человека, не аппараты регуляции, подчиняющие человека, не средства ориентации, опирающиеся на присущую им способность к отражению среды. Психика (сознание) – это то, с помощью чего система (человек) оказывается открытой, т.е. способной к *избирательному взаимодействию* со средой как основанию для превращения ее в многомерный мир человека. Становление такого мира является предпосылкой устойчивого (осмысленного, реалистического, действенного) бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненным пространстве. В этом усматривался исходный смысл самоорганизации.

Надо просто согласиться с тем, что наука больше уже не может делать вид, что ей удалось примирить эту установку на изучение ставшего с принципом развития, который предполагает переход от ретроспекции к перспективному анализу. Там, где есть обмен со средой, там возникают необратимые изменения, понимаемые как признаки развития, которые проявляются не только в открытой системе, но и в среде, в которую открыта система. Тем самым устанавливается, что дальнейшие взаимодействия будут происходить уже с измененной средой, опыта взаимодействия с которой у системы нет по определению, и тогда возникают вопросы. Например, что же такое «адаптация» и какие проблемы может решить наука в рамках «психологического гомеостаза»? И что есть «опыт» (ставшее), к которому так апеллирует классическая и неклассическая наука?

Параметры порядка система вынуждена порождать сама и производить их всегда заново – такова природа обмена. Ценности и смыслы и есть динамические параметры порядка в психологических системах. Поэтому они выступают как субъективная «раз-

метка» объективной реальности, вырезающая из безразличной «среды» (или столь же безразличного «окружения») то, что *соответствует* человеку здесь и теперь в качестве *необходимого условия жизни*. Взаимодействие, понятое не в гносеологическом, а в онтологическом плане, приводит к идее о связи психики с порождением многомерного мира человека, обретением им ценностно-смысловых измерений, обеспечивающих реальность, предметность и действительность его бытия. Обмен преобразует не только человека, становящегося другим с каждой порцией внешнего, которую он принял в себя, но и внешнее, которое, благодаря взаимодействию, «выходит из себя» и становится субъективным основанием дальнейшего развития системы.

Если же проводить параллель между диалектическим и транспективным анализом, то последнее есть мышление, которое вызрело (вызревает) на базе диалектического мышления и содержит его в себе в снятом виде. Основная установка диалектического анализа – это *развитие*, через которое («в котором») необходимо изучать любое познаваемое явление. Основная установка транспективного анализа – это *становление*, через которое («в котором») необходимо изучать особые объекты – открытые самоорганизующиеся системы. В первом случае источником развития считается *противоречие*, двигателем развития – *борьба* (новых и старых форм, противоположностей и т.д.). Источником становления является *соответствие*, приводящее к взаимодействию, которое сопровождается порождением системных качеств – «параметров порядка», определяющих прогрессивную логику системогенеза.

Новый образ науки вырастает из методологических представлений и установок предыдущих этапов,

из того потенциала движения «вперед и выше», который в них содержится, обеспечивая тем самым преемственность процесса становления психологического познания. Наука – это открытая система, закономерно усложняющаяся в процессе внутренних и внешних взаимодействий. Формой ее существования является становление – закономерное усложнение ее системной организации. История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание.

Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет «эффекта границы». *Чем сложнее уровень организации системы, тем труднее осуществить перевод мышления на новый уровень системности, но, находясь на нем, гораздо проще генерировать научные объяснения.* В том числе и по поводу тех феноменов, для объяснения которых в рамках простой системы приходилось изобретать горы «психологических эпициклов», которые, оставаясь «пустым» знанием, давят на науку, перегружая ее несущественным, избыточным знанием, повисают в виде гирь, затрудняющих ее закономерное движение «вперед и выше». Эти «псициклы» особенно обильно накапливаются в тех местах, где, используя привычную схему «психологического гомеостаза», ученые тщатся объяснить принципиально гетеростатическую природу человека.

Литература

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
2. Ключко В.Е. Целеобразование и формирование оценок в ходе обнаружения и решения мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1978.
3. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.
4. Ключко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Моросановой. Москва; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКав ГТУ, 2007. С. 103–119.
5. Краснорядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.
6. Леонтьев Д.А. Становление саморегуляции как основа психологического развития: эволюционный аспект // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В. И. Моросановой. Москва; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКав ГТУ, 2007. 431 с.
7. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109–120.
8. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 73–85.
9. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml
10. Стругацкий А., Стругацкий Б. Сталкер: (Литературная запись кинофильма, режиссер Андрей Тарковский). Режим доступа: <http://rusf.ru/abs/>
11. Эксклюзивное интервью с Михаилом Чиксентмихайи (Д. Леонтьев, сентябрь 2005 г.). Режим доступа: <http://www.positivepsychology.ru/history/interview.htm>

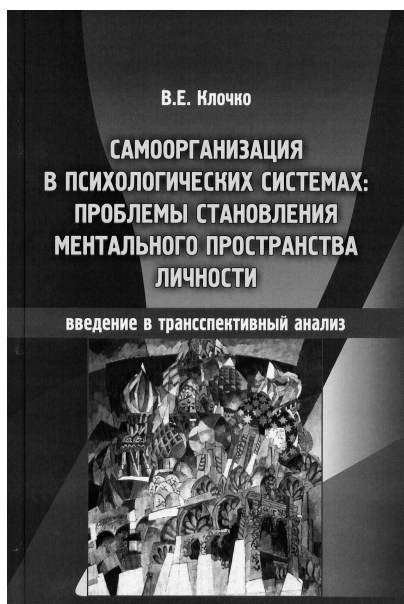
12. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1966. Т. 2.
13. Csikszentmihalyi M. Toward a psychology of optimal experience // Review of Personality and Social Psychology / L. Wheeler (Ed.). Vol. 3. Beverly Hills (CA): Sage, 1982. P. 13–36.
14. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. N.Y.: Harper and Row, 1990.

MODERN PSYCHOLOGY: A SYSTEM SENSE OF A PARADIGM SHIFT

B.E. Klochko (Tomsk)

Summary. The paper is an attempt at reconsidering the history of psychology from the perspective of a paradigm shift. With the help of the transsperspective analysis author demonstrates of the reasons of progress in the psychological science as an open self-organizing theoretical system. The transsperspective analysis is considered as the methodological means knowledge of self-organizing psychological systems. Affirms, that the contemporary psychology moves to a post-non-classical paradigm, within the limits of which the mentality and consciousness receive a new explanation.

Key words: types of scientific rationality; post-non-classical paradigm, self-development, self-organization, theory of psychological system, transsperspective analysis, explanation in psychology.

Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

ISBN 5-94621-162-5

Рассматриваются фундаментальные проблемы психологии, которые открываются в результате анализа «парадигмального сдвига», происходящего в науке, вступающей в стадию постнеклассицизма. Поэтому монографию можно оценить как методологическое введение в постнеклассическую психологию, «вхождение» в которую, по мнению автора, подразумевает смену уровня системности профессионально-психологического мышления. Выделяются признаки нового мышления, которое автор и определил понятием «транспективный анализ». В призме транспективного анализа психика человека выступает в необычном ракурсе, а именно как то, что обеспечивает устойчивость человека, понимаемого в качестве открытой системы. Выход за пределы привычного понимания психики как «отражения реальности» требует настолько серьезной перестройки всего образа мира психолога-профессионала, что автор не считает возможным рекомендовать книгу, как это принято, «широкому кругу» коллег. Скорее этой книгой автор возвращает часть своего долга, который накопился у него перед собственными учениками, а также последователями теории психологических систем (ТПС) за 20 лет ее разработки.